

Алексанян Нелли Арушановна

СТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917-1922)

В статье рассматривается процесс становления судебной системы в годы Гражданской войны (1917-1922) на территории Воронежской губернии. Изучаются особенности условий ее деятельности. Отмечаются субъективные и объективные факторы, влияющие на ее эффективность. Раскрывается степень оправданности ожиданий политической элиты относительно "революционного сознания и творчества масс".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/9/1.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (99). С. 11-15. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 94(47)“1917-1922”(470.324)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается процесс становления судебной системы в годы Гражданской войны (1917-1922) на территории Воронежской губернии. Изучаются особенности условий ее деятельности. Отмечаются субъективные и объективные факторы, влияющие на ее эффективность. Раскрывается степень оправданности ожиданий политической элиты относительно «революционного сознания и творчества масс».

Ключевые слова и фразы: гражданская война; народный суд; третейский суд; народный заседатель; коллегия; концентрационный лагерь.

Александия Нелли Арушановна

*Воронежский государственный педагогический университет
edelweis65@yandex.ru*

СТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917-1922)[©]

Исторические события в октябре 1917 г. в нашей стране кардинально изменили политический курс, политический режим государства. Изменения не могли не коснуться и судебной системы как одного из главных элементов в структуре политической системы государства.

В историко-краеведческой литературе отсутствуют фундаментальные работы на тему «первых шагов» советских органов юстиции Воронежской губернии. Отчасти это можно объяснить скудостью документов, создаваемых в напряженной обстановке Гражданской войны. Причиной была ставка большевиков на «революционную сознательность масс», которая, как считалось, естественным путем изживет стремление граждан к правонарушениям.

Эта работа не претендует на всеобъемлющее освещение темы, а является попыткой дополнить имеющиеся скромные сведения. Исследование базируется на документах Государственного архива Воронежской области (ГАВО): сводках, отчетах, информационных материалах государственных органов власти; материалах прессы; опубликованных источниках; электронных ресурсах сайтов и пр.

Первым законодательным декретом большевиков в области юстиции считается Декрет о суде № 1, принятый Совнаркомом 22 ноября 1917 г. по «старому стилю». Декрет провозгласил упразднение всей дореволюционной судебной системы, за исключением мировых судей, деятельность которых лишь приостанавливалась до замены этих судей местными избираемыми судами. Им были подведомственны все гражданские дела, цена иска по которым не превышала 3000 рублей, а также уголовные дела, наказание по которым не превышало 2-х лет лишения свободы [7, с. 3-5].

Дела о контрреволюционных преступлениях, спекуляции декретом передавались на рассмотрение чрезвычайным органам – революционным трибуналам. «Дела, подсудные Ревтрибуналам, рассматриваются Народными Судами в том случае, если передаются им Ревтрибуналами» [12, с. 29]. Тем самым вводилось деление судебных органов на суды общей и политической юрисдикции.

Создание советских органов юстиции в Воронежской губернии происходило с некоторым запозданием по сравнению с центральными территориями России. «С 15 декабря 1917 г. начал действовать юридический отдел Воронежского Совета рабочих депутатов...» [9, с. 156]. Юридический отдел именовался также отделом юстиции, во главе которого стоял Комиссар юстиции. Основными функциями юридического отдела стали надзор над судебными органами и общий надзор за соблюдением местными органами власти узаконений и распоряжений правительства.

Новый режим прежние законы упразднил, а новые еще не были сформулированы, и советским судам дали право решать дела, опираясь на «революционную сознательность». Куда мог завести субъективизм такого «революционного правотворчества» – вопрос спорный, на что служащие дореволюционных органов юстиции выразили свой протест, тем более что неизвестно было, сколько у власти продержатся большевики. «29 ноября 1917 г. в г. Воронеже состоялось объединённое собрание членов Союза служащих при Воронежском окружном суде и присяжных поверенных. На этом собрании было решено декрет СНК не признавать...» [13].

25 июня 1918 г. в Воронеже был открыт народный суд. В обращении Воронежского уездного исполкома Советов о царском суде было сказано: «...суд, который они называли “правым и милостивым, равным для всех”, был правым только для богатых... Вас, гг. граждане судили, но не защищали...» [1, с. 11].

Благие намерения столкнулись с трудностями организационной работы новоиспеченных судов в связи с отсутствием специалистов и саботажем «бывших». Об этом доложил Комиссар юстиции 5-му съезду Советов Борисоглебского уезда 7 сентября 1918 г.: «...вначале почти не было работников: в новый суд не шли работники, как из числа бывших судебных чиновников, так и вообще лица со специально юридическими познаниями. Со знанием отшатнувшись от Рабоче-Крестьянской Революции, эти бывшие законоеды предпочли заняться подаванием чая в буфетах, хоть их ум, их образование и их интеллигентность могли бы принести громадную пользу рабочим и крестьянам в деле строительства Народного суда и Следствия». Однако, в то же время, он отметил, что саботаж «заставил Народ выдвинуть из своей среды кадры новых юристов, которые работают в учреждениях Юстиции, кладя свои силы на строительство истинно Народных Судов...» [5, д. 15, л. 110, 110 об.].

Нехватка опытных юристов принуждала «идти на компромисс и приглашать для работы “специалистов”, т.е. бывших представителей старого, насквозь прогнившего бессовестного суда». Но и это не решало проблему, т.к. их деятельность оценивали неудовлетворительно: «...эти имеющие многолетнюю практику почти все, будучи контрреволюционеры с ног до головы, не проводили в жизнь ненавистного им декрета, а старались елико возможно уронить престиж его и тем вызвать в народе недоверие к Народному Суду... Декабря 24 дня 1919 г.» [4, д. 35, л. 11].

Развитие судебной системы на местах, кроме дефицита квалифицированных специалистов, также тормозилось благодаря «полнейшему в первое время отсутствию связи с Центром, несвоевременному получению декретов, распоряжений и инструкций... сентябрь 1918 г.» [5, д. 15, л. 110 об.].

К июню 1919 г. юридический отдел Воронежского губисполкома состоял из 5 подотделов: 1) общий подотдел, который занимался юридическим консультированием советских учреждений по вопросам законодательства; 2) подотдел, контролирующей реализацию норм Декрета об отделении церкви от государства, на который, помимо функций, вытекающих из названия, решением коллегии юридического отдела был возложен надзор за деятельностью органов записи актов гражданского состояния (ЗАГСов); 3) административно-хозяйственный подотдел; 4) судебно-следственный подотдел; 5) карательный отдел, в функции которого входили заведывание всеми местами лишения свободы, конвойной службой, организация мероприятий по борьбе с преступностью, а также организация принудительных общественных работ [13].

Данью провозглашенным принципам народоуправления были выборность судей и коллегиальность судопроизводства: «Ст. 13. Народные судьи избираются общими собраниями местных Советов или Уездными Исполкомами». По статье 15-й ими же могли быть отозваны [12, с. 30].

Повсеместно суды создавались на началах коллегиальности. Для этого вводился институт народных заседателей: «Ст. 1. В пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики действует единый Народный Суд в составе постоянных Народных Судей и очередных Судей – Народных Заседателей...

Ст. 10. При рассмотрении гражданских и уголовных дел Народные Заседатели во всех стадиях судебного разбирательства пользуются одинаковыми правами с Народным Судьей, решая совместно с ним все вопросы, возникающие при разборе дела» [Там же, с. 29].

Народные заседатели выступали в роли «свежей головы», роли, которую прежде в царской России исполняли присяжные заседатели. Также участие в судопроизводстве рядовых граждан политически воспитывало и развивало их.

Массовому привлечению трудящихся к участию в политической и общественной жизни придавал значение В. И. Ленин: «...Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны» [10, с. 354]. Для этого в Декрете о суде по статье 16 в списки народных заседателей вносили всех трудящихся, имеющих право избирать и быть избранными в Советы [12, с. 30].

Как можно больше граждан должны были быть охвачены участием в судебном процессе без ущерба для себя: «Ст. 19. Никто из вошедших в списки Народных Заседателей не может участвовать в заседании суда более шести дней в полугодие, причем за Народными Заседателями сохраняется их заработная плата по месту работы. Лица, получающие средства от сельского или домашнего хозяйства и ремесла, получают за дни заседания суточные в размере минимума з/платы, установленной для данной местности, из общегосударственных средств». Предусматривались и карательные санкции к уклоняющимся: «Ст. 20. Заседатель, не явившийся и не представивший доказательств уважительности причин своей неявки, подвергается постановлением Народного Суда штрафу, соединенному с принудительными работами без содержания под стражей или одним принудительным работам» [Там же].

Участие народных заседателей действительно влияло на приговоры народных судов. Особенно это было видно в деревне, где, в отличие от города, «имущественные преступления наказываются несколько строже – главным образом потому, что у крестьян заседателей сильно развиты собственнические инстинкты» [11, с. 57].

На местах, вдали от центра Воронежской губернии, «как уголовные, так и гражданские дела в некоторых сельских местностях разрешались на крестьянских сходах, а иногда волостными советами;... выносившими... “судебные приговоры”, которые иногда немедленно приводились в исполнение». Чтобы предотвратить самосуды и направить ответственность в правовое русло, «комиссариату юстиции Воронежской губернии приходилось вести борьбу с волостными советами и сходами» [8, с. 20].

С этой же целью, а также чтобы избавить Народный суд от рассмотрения частно-уголовных и спорных гражданских дел, был организован Третейский суд при Совете местных Народных судей. Однако Комиссар юстиции Борисоглебского уезда в сентябре 1918 г. доложил, что «...приток дел в таковой очень незначителен», объясняя это тем, что граждане не научились «неизвестному ещё для них способу разрешения их споров и недоразумений...» [5, д. 15, л. 110 об.].

Кроме участия в суде в качестве народных заседателей, для граждан ввели трудовую повинность (на безвозмездной основе) в качестве общественных обвинителей и общественных защитников.

Инициативные обвинители по неопытности сами могли попасть под суд и нуждаться в защите. Так, 20 сентября 1918 г. Воронежский Губернский Революционный Трибунал слушал дело члена Коллегии общественных обвинителей Павла Ивановича Волынского, обвиняемого в присвоении звания «прокурор» и превышении власти. Волынский был командирован для расследования злоупотреблений Совета Нижнедевицкого уезда и при ревизии счёл нужным обследовать тюрьму при уисполкоме на основании имевшегося у него мандата. При ревизии он разрешил начальнику тюрьмы называть его «прокурором», потому как полагал, что функция «члена коллегии общественных обвинителей» соответствует функции «прокурора», и без всякого злого умысла два раза подписал бумаги как «прокурор».

При ревизии он обнаружил заключенных, которые находились довольно продолжительное время без предъявленного им обвинения, как, например, Семенихина, находившегося под стражей 10 месяцев, между тем как наказание за кражу не могло превысить этого времени.

Дело слушалось при открытых дверях. Защитники просили оправдать Волынского, учитывая его партийную и революционную деятельность. Он был оправдан [2, с. 4].

Для защиты по гражданским делам в качестве представителей интересов граждан по требованиям Нарсудов или просьбам частных лиц Губьюст командировывал консультантов. А по уголовным делам выступать защитниками обязали граждан в качестве трудовой повинности по списку, утвержденному Губисполкомом. Население восприняло это без энтузиазма, что было связано с переживаемым временем, когда любая кража в период тотального дефицита, особенно продуктов, воспринималась болезненно. По этому поводу заведующий Губернского отдела юстиции в апреле 1921 г. заметил: «...наблюдается какая-то общественная инертность: на призыв выдвинуть кандидатов в защитники в г. Воронеже из всех 19 производственных союзов откликнулись только 8, остальные пока молчат» [3, д. 207, л. 4].

На губернском совещании 1 октября 1921 г. Губьюст об общественных защитниках доложил, что нередко приходилось отказываться от них, потому что «защитники в порядке трудовой повинности часто уклоняются от исполнения их обязанностей, и Губьюсту приходится командировать на их место консультантов, которых крайне недостаточное количество» [11, с. 57, 58].

Напротив, в защитники охотно шли «бывшие» с целью заработать или обогатиться. ЧК боролась с такими правозаступниками, о чем говорит письмо Борисоглебской ЧК от 19 января 1920 г. за № 561 в Губернский отдел юстиции и в Губчека: «В числе правозаступников местного юридического Бюро есть некто Русанов Иван Иванович, бывший в коллегии правозаступником при Губревтрибунале... Русанов с особой готовностью, хорошо и щедро оплачиваемой, берется защищать особо прибыльные дела, пуская в ход свои связи... его “деятельность” в уезде особенно раздражающе действует на местное население, потому что биография его, как человека и “деятели”, хорошо известна всем, это особенно усугубляется бесцеремонным поведением Русанова... Борисоглебская ЧК считает, что такого рода судебным деятелям не место в рядах представителей нового суда...» [5, д. 13, л. 20, 20 об.].

Не только ЧК, но и сами органы юстиции стремились избавиться от не внушающих доверие защитников. Заведующий юрбюро 2 июля 1920 г. направил письмо в Президиум исполкома Борисоглебского уезда: «Узнав о том, что гр. Новиков утвержден правозащитником при Нарсуде Борисоглебского уезда, заявляю, что он весьма не соответствует своему назначению, что можно заключить из сказанных им самим слов, что “на жалованье правозащитника жить невозможно, а вступив на эту должность буду брать взятки”. Считая такого правозащитника защитником своих шкурных интересов и весьма вредящим нашему рабоче-крестьянскому правосудию, предлагаю Исполкому отменить его утверждение и дать ему лопатку в руки». На документ наложена резолюция: «Отозвать гр-на Новикова» [Там же, л. 55].

Недостаток кадров усугубляла практика отзыва судей по разным причинам. Это приводило к частым сменам «личного состава ответственных судебных работников: судей, членов следкомов и правозаступников». Юрбюро 16 апреля 1920 г. на пленарном съезде Советов Борисоглебского уезда выразило беспокойство, что следствием этого «является неустойчивость, вредно отражающаяся на продуктивности работ судебных учреждений». Кроме того, «отзывы судей без объяснений причин колеблют судебную самостоятельность и независимость их, без каковой Народный Судья, будучи поставлен в своих решениях и приговорах в зависимость от административных учреждений, теряет свое значение, являясь органом, подчиненным административным учреждениям, а не судом, который должен быть независим в своих действиях». В заключение была изложена просьба, «чтобы Судьи отзывались лишь в случаях, не терпящих отлагательства, а равно избавлялись бы от воинской повинности» [Там же, л. 31а].

Для рассмотрения кассационных и частных жалоб граждан на приговоры, решения и действия судов и ближайшего контроля над ними существовал Губернский совет Народных судей (Губсовнарсуд) [3, д. 207, л. 4].

Изначально предполагалось оказание бесплатной юридической помощи несостоятельным гражданам в губернском центре и уездах, однако она была организована только при Губьюсте, где эту работу выполняли два консультанта-юриста. За три месяца к апрелю 1921 г. «консультантами было составлено для граждан более 400 бумаг различного характера содержания, к числу которых относятся следующие: 1) жалобы на неправильные реквизиции и конфискации, 2) кассационные жалобы и просьбы о восстановлении срока на обжалование приговоров и решений, 3) заявления о разводе и т.д.» [Там же, л. 7].

Заведующий Отдела юстиции Воронежской губернии об укомплектованности и партийном составе штатов в апреле 1921 г. доложил: «По штату в губернии положено 114 районных Нарсудов, налицо же их имеется всего 100; т.о. остается 14 вакантных должностей Народных Судей. Партийный состав Судей разнообразен; однако в некоторых уездах можно отметить до 30% и более коммунистов и сочувствующих РКП.

...налицо 45 Народных Следователей, тогда как по штату их положено 56. Партийный состав их такой же, как и Нарсудей» [Там же, л. 1, 3]. Наличие в голодное трудное время вакантных должностей судей и следователей можно объяснить мизерным вознаграждением за труд.

Эффективность деятельности судов оценивается по количеству закрытых дел. Заведующий Отдела юстиции Воронежской губернии в апреле 1921 г. в отчетном докладе привел следующую статистику: «...деятельность Нарсудей за 1920 год выражается в таких цифрах: к 1-му января этого года в Нарсудах губернии оставалось 14.531 дело, в течение года поступило 32.089, а окончено 34.915 дел; осталось 11.705 дел». Исходя из этих показателей, он признал, что «деятельность судов малоудовлетворительна», и привел следующие причины этого: «1) отзыв судебных деятелей на продработы, 2) отзыв на выездные сессии Трибунала, 3) отзывы

местными учреждениями для партийной работы, 4) хроническая неявка на заседания суда Народных Заседателей, 5) систематическое невручение органами милиции повесток лицам, вызываемым в суд, 6) отсутствие на местах узаконений и распоряжений центральной власти, необходимых для правильного отправления правосудия, 7) качества самих Судей (непросвещенность, неподготовленность), 8) незаполненность штатов судей и канцелярии судов, 9) бандитские выступления в некоторых уездах губернии» [Там же, л. 2].

Нехватка кадров и необходимость повышения уровня квалификации работников органов юстиции привели к решению президиума Воронежского губкома РКП(б) от 17 октября 1922 г. открыть в Воронеже юридические курсы [13].

Осужденные по приговорам суда поступали в ведение Карательного отдела (Карот) Губьюста. До июня 1922 г. под ведением подотдела принудительных работ всего в Воронежской губернии состояло 5 концлагерей, из них: Митрофаньевский и Онуфриевский в городе Воронеж и в уездных городах: в Калаче, Боброве и Задонске. Концентрационные лагеря находились в ведении уисполкомов, где осужденные выполняли различные общественные работы, следуя принципу, царящему в Советской Республике, – «кто не работает – тот не ест».

Несовершеннолетние преступники содержались отдельно от остальных, в специальном помещении в 4-х верстах от г. Воронежа [11, с. 58].

Воронежский губернский карательный отдел (Губкарот) писал в феврале 1921 г. в губернский отдел Управления о предназначении мест лишения свободы: «...По существующим декретам Советской власти места лишения свободы в Российской Республике не должны больше служить местами наказания, но мерою нравственного исправления. Предположено создать новые типы мест лишения свободы, к числу коих относятся, между прочим, реформатории и земледельческие колонии. Реформаторий – это есть учреждение, где производится фильтрация осужденных в его отделении-распределении. В распределителе определяется индивидуальная личность заключенного, и он переводится на известный режим с применением к нему методов пенитенциарного воздействия» [3, д. 207, л. 17, 17 об.].

Благие намерения были далеки от действительности. О плачевном состоянии мест содержания заключенных говорит акт обследования концентрационного лагеря, находящегося в г. Калаче, от 25 апреля 1921 года. Комиссия в составе начальника Калачевской уездной Рабоче-Крестьянской милиции Литвинова, старшего инспектора Калачеевского отдела Рабоче-Крестьянской инспекции Антонова, представителей: от уездздравотдела Петрова, от горкомхоза Погорелова, Лазарева, от политпросвета Левченко засвидетельствовала в акте крайне антисанитарные условия содержания заключенных. Во время обследования в одном помещении содержалось 27 человек, из них одна женщина. Из акта: «...такое беззаботное и безучастное отношение к гражданам, сделавшим те или иные вольные или невольные проступки перед законами РСФСР и отбывающим за то наказание, лишившись свободы,... недопустимо... их нужно исправлять, а не портить окончательно, дабы они стали контрреволюционным элементом. Комиссия находит нужным и обязательным принять все возможные меры к улучшению быта заключенных...» [6, д. 10, л. 71, 71 об.].

С 1-го января 1922 г., согласно циркуляру Главного управления принудительных работ за № 43, все лагеря принудительных работ губернии были сняты с государственного обеспечения и переведены на самообслуживание [3, д. 185, л. 27]. Находясь в финансовом тупике, отдел Управления губисполкома произвел поэтапную разгрузку лагерей (т.е. досрочное освобождение заключенных) и ликвидировал три лагеря в Калаче, Боброве и Задонске, чем было достигнуто значительное сокращение расходов [Там же, л. 32]. В ходе разгрузки число заключенных значительно уменьшилось: от 1526 чел. в октябре 1921 г. до 393 чел. в сентябре 1922 г. [Там же, л. 27].

После ликвидации трех лагерей в уездах Воронежской губернии остались два концлагеря: Митрофаньевский и Онуфриевский в городе Воронеж. Митрофаньевский концлагерь являлся производственным лагерем губернии, в силу чего он комплектовался исключительно из осужденных специалистов. При нем функционировали следующие мастерские: сапожная, портняжная, полушубочная, техническая, граверно-штемпельная.

Онуфриевский концлагерь являлся изоляционным и комплектовался исключительно долгосрочными заключенными со строгой изоляцией, осужденными за более тяжкие преступления (бандитизм, убийства, кражи и т.п.). Здесь также были организованы мастерские: сапожная, кузнечно-слесарная и портняжная [Там же, л. 28, 28 об.]. Труд осужденных применяли и на сельхозработах [Там же, л. 30].

В отчетном докладе за период с 1-го октября 1921 г. до октября 1922 г. отдел Управления губернии доложил, что Митрофаньевский и Онуфриевский концлагеря более половины отчетного периода существовали за счет самообслуживания. Финансовая раскладка концлагерей за отчетный период имела следующий вид: Общий приход лагерей: Митрофаньевский концлагерь 539.463 р. 26 к. + Онуфриевский концлагерь 406.669 р. = 946.132 р. 26 к.; общий расход лагерей: Митрофаньевский концлагерь 464.443 р. 75 к. + Онуфриевский концлагерь 342.501 р. = 806.944 р. 75 к. Если из общего прихода концлагерей вычесть общий расход, остается прибыль 139.187 р. 51 к. [Там же, л. 31].

Тенденция большевиков к унификации и централизации управления привела к решению «все места заключения сконцентрировать в ведении НКВД, тогда как раньше одними местами заключения (тюрьмы) ведал НКЮ, а другими (концлагеря, арестные дома) НКВД». Об этом говорилось на Воронежском губернском съезде XI созыва в ноябре 1922 г. [Там же, л. 27 об.].

С переходом страны к мирной жизни и НЭПу роль суда начинает возрастать. В октябре-ноябре 1922 года губернский отдел юстиции прекратил своё существование, разделившись на линии суда и прокуратуры.

Таким образом, анализ источников показал, что становление и деятельность органов юстиции в условиях Гражданской войны были процессом сложным и проблематичным. Одними из серьезных проблем,

затруднивших развитие новых органов правопорядка в Воронежской губернии, были нехватка достаточно подготовленных кадров, низкая материальная и финансовая обеспеченность органов, несвоевременное получение инструкций и пр.

Исследование показывает, что с первых лет существования советских органов юстиции стоял вопрос степени их зависимости от местной партийно-государственной власти (это объясняется жестокой классово-борьбой в годы Гражданской войны и необходимостью подчинения всех сил Центру, чтобы одержать победу над врагом), что не могло в дальнейшем не сказаться отрицательно на правовой культуре и правовом сознании общества.

Список литературы

1. **Васильева Г.** Революции победные шаги // Блокнот агитатора. 1967. № 10.
2. **Воронежский Красный Листок.** 1918. № 80.
3. **Государственный архив Воронежской области (ГАВО).** Ф. Р-4. Оп. 1.
4. **ГАВО.** Ф. Р-466. Оп. 1.
5. **ГАВО.** Ф. Р-503. Оп. 1.
6. **ГАВО.** Ф. Р-800. Оп. 1.
7. **Декреты о суде рабочего и крестьянского правительства.** Петербург, 1918.
8. **Кожевников М. В.** История советского суда / под ред. И. Т. Полякова. М., 1948.
9. **Кузин К. И.** Из истории органов юстиции // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный бюллетень. 2006. Вып. 4.
10. **Ленин В. И.** Собрание сочинений. Изд. 3-е. М., 1932. Т. 22.
11. **Первый отчет Воронежского Губернского экономического совещания (на 1 окт. 1921 г.)** / издание Воронежского Губисполкома и экономического совещания // Краеведческий отдел Воронежской областной универсальной научной библиотеки имени И. С. Никитина. Шифр К 9(С)2/В75.
12. **Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства:** систематический сборник важнейших декретов 1917-1920. М., 1920.
13. <http://www.minjust-vrn.ru/index.php?page=171> (дата обращения: 09.07.2015).

FORMATION AND ACTIVITY OF VORONEZH PROVINCE JUDICIAL SYSTEM IN THE YEARS OF THE CIVIL WAR (1917-1922)

Aleksanyan Nelli Arushanovna
Voronezh State Pedagogical University
edelweis65@yandex.ru

The article examines the process of judicial system formation in the territory of Voronezh province in the years of the Civil War (1917-1922). The author focuses on the peculiarities of its functioning, identifies the subjective and objective factors influencing its efficiency. The paper discovers the extent of the adequacy of the expectations of the political elite regarding "revolutionary consciousness and creativity of the masses".

Key words and phrases: The Civil War; people's court; arbitration court; people's assessor; board; concentration camp.

УДК 811.161.1

Филологические науки

В статье приводится обзор исследований ономастического пространства городов Ставрополь, Тамбов, Уфа, лавинообразно развивающегося в новых условиях экономики. Отмечены изменения и особенности эргонимического лексикона городской среды полиэтнической Махачкалы. Большая часть эргонимов города представляют собой иноязычные полнозначные лексемы и аббревиатуры либо транслитерированные наименования, написанные кириллицей или латиницей. Умение замечать и анализировать эргонимы как элементы городской лингвокультуры помогает лучше понять разнообразие языковых явлений, а также культуру, историю, обычаи и верования жителей родного города.

Ключевые слова и фразы: эргоним; ономастическое городское пространство; полиязычие; этнос; эргонимикон.

Алистанова Фарид Фажрудиновна, к. филол. н.
Дагестанский государственный технический университет
faridalistanova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭРГОНИМИЧЕСКОГО ЛЕКСИКОНА ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ГОРОДА МАХАЧКАЛЫ[©]

Внимание современных лингвистов в последние годы направлено на исследование языка с функционально-коммуникативной точки зрения. Рекламные тексты, а вместе с ними эргонимы и словесные товарные